

классика
В школе

Булат Шалвович
Окуджава

Стихотворения

Москва

2015

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
О-52

Оформление серии *О. Горбовской*

Благодарим Государственный музей
и Общественный Региональный Фонд Булата Окуджавы
и особенно Евгения Александровича Ямбурга
за помощь в создании этой книги

Окуджава Б. Ш.

О-52 Стихотворения / Булат Окуджава. — Москва :
Эксмо, 2015. — 160 с. — (Классика в школе).

ISBN 978-5-699-71741-5

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу включены стихотворения Б. Ш. Окуджавы, которые изучают в 7—11-х классах.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-699-71741-5

© Окуджава Б.Ш., наследник, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
— Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одинокий,
одинокий? —
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Мама, мама, это я дежурю,
я дежурный
по апрелю!

— Мой сыночек, вспоминаю всё, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек...
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет?
Знать не хочет? —
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
— Что ты, мама! Просто я дежурю,
я дежурный
по апрелю...

ПЕСЕНКА О БУМАЖНОМ СОЛДАТИКЕ

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был,
ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.

Он был бы рад в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним,
ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
своих секретов важных.
А почему? А потому,
что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
не тихой жизни жаждал
и всё просил: «Огня, огня!» —
забыв, что он бумажный.

В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.

ПЕСЕНКА

Совесь, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

* * *

Настоящих людей так немного...
Все вы врете, что век их настал.
А подсчитайте и честно и строго,
сколько будет на каждый квартал.

Настоящих людей очень мало,
на планету — совсем ерунда.
на Россию — одна моя мама,
только что она может одна...

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой
сыграет,
когда трубу к губам приблизит и острый локоть
отведет.

Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет, и ты надеяться
устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои
крыла,
ты прикажи, пускай тогда трубач израненный
привстанет,
чтобы последняя граната меня прикончить
не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься
не удастся,
какое б новое сражение ни покачнуло шар земной,
я все равно паду на той, на той единственной,
гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча
надо мной.

МОСКОВСКИЙ МУРАВЕЙ

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Иду по улицам его в рассветной тишине,
бегу по улочкам кривым (простите, города).
Но я — московский муравей, и нет покоя мне.
Так было триста лет назад, и будет так всегда.

Ах, этот город, он такой похожий на меня:
то грустен он, то весел он, но он всегда высок.
Что там за девочка в руке несет кусочек дня,
как будто завтрак в узелке мне, муравью, несет?

* * *

В детстве мне встретился как-то кузнечик
в дебрях колечек трав и осок.
Прямо с колючек, словно с крылечек,
спрыгивал он, как танцор, на носок,
передо мною маячил мгновенье
и исчезал иноходцем в траве...
Может быть, первое стихотворенье
зрело в зеленой его голове.
— Намереваюсь! — кричал тот кузнечик.
— Может ли быть? — усмехался сверчок.
И из-за досок, щелей, из-за печек
крался насмешливый этот басок.
Но из-за речек, с лугов отдаленных:
— Намереваюсь! — как песня, как гром...
Я их встречал, голубых и зеленых.
Печка и луг им служили жильем.
Печка и Луг — разделенный на части
счастья житейского замкнутый круг,
к чести его обитателей частых,
честных, не праздных, как Печка и Луг.
Маленьких рук постоянно стремленье,
маленьких мук постоянна волна...
Племени этого столпотворенье
не успокоят ни мир, ни война,
ни уговоры его не излечат,
ни приговоры друзей и врагов...

— Может ли быть?! — как всегда, из-за печек.
— Намереваюсь! — грохочет с лугов.
Годы прошли, да похвастаться нечем.
Те же дожди, те же зимы и зной.
Прожита жизнь, но всё тот же кузнечик
пляшет и кружится передо мной.
Гордый бессмертьем своим непреклонным,
мировоззрением своим просветленным,
скачет, куражится, ест за двоих...
Но не молчит и сверчок тот бессонный.
Всё усмехается.
Что мы — для них?

ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА

Наверное, самую лучшую
на этой земной стороне
хожу я и песенку слушаю —
она шевельнулась во мне.

Она еще очень неспетая.
Она зелена, как трава.
Но чудится музыка светлая,
и строго ложатся слова.

Сквозь время, что мною не пройдено,
сквозь смех наш короткий и плач
я слышу: выводит мелодию
какой-то грядущий трубач.

Легко, необычно и весело
кружит над скрещеньем дорог
та самая главная песенка,
которую спеть я не смог.

* * *

Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?
Едва твой гимн пространства огласит,
прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мертвых воскресит.

Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор
таинственный, возвышенный и страстный
твоих зеленых братьев и сестер?

Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю с высоты,
что так легко, в сопровожденье хора,
так звонко исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь. Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев до хрипа,
он неба достигает своего.

